

ЕКАТЕРИНА
ШУЛЬМАН

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ГОСУДАРСТВА

РОССИЯ
В
НУЛЕВЫЕ
2000–2012

18+

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ,
СОДЕРЖАЩИМСЯ В РЕЕСТРЕ МИНЮСТА РФ, ЛИБО КАСАЕТСЯ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Екатерина Шульман
Возвращение государства.
Россия в нулевые. 2000–2012
Серия «Экономические миры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69364495

Е. М. Шульман. Возвращение государства. Россия в нулевые. 2000–2012: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-137813-4

Аннотация

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ШУЛЬМАН ЕКАТЕРИНОЙ МИХАЙЛОВНОЙ, СОДЕРЖАЩИМСЯ В РЕЕСТРЕ ИНОСТРАННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА 15.04.2022.

Книга создана на основе онлайн-курса лекций, прочитанного в 2016 году, и посвящена политической истории России с 2000 по 2012 годы.

Целью автора было найти равновесие между историей государства и историей общества, проследить изменение государственных институтов, трансформацию групп интересов и поведенческих практик.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Глава 1. Новые нормы. Что изучает политическая история?	6
Глава 2. Сроки и созывы. Государство 2000-х	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Екатерина Шульман Возвращение государства. Россия в нулевые. 2000–2012

© Шульман Е. М., текст, 2023

© Добровольский О. Д., иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава 1. Новые нормы. Что изучает политическая история?

Изложение любого исторического сюжета – это последовательность фактов, выстроенная в логическую линию соответственно взглядам и потребностям историка (скажем мы, слегка перефразируя «Дар» В. В. Набокова). Поскольку фактов, даже научно подтвержденных, почти неограниченное количество, а ум человеческий склонен к выстраиванию причинно-следственных связей (часто ложных), то почти любая концепция исторического процесса может найти себе убедительное обоснование.

Весьма распространенный подход к изучению истории – мышление по аналогии, предполагающее, что исторические события склонны возвращаться или повторяться. Нумерологические совпадения (1914–2014), общность риторических приемов в речах политиков, печальная распространенность практик массового насилия дают сходство исторических эпизодов по набору признаков, которые сравнивающему кажутся важными (например, чекисты и опричники – это совершенно одно и то же). В этот интеллектуальный соблазн впадают многие: мышление по аналогии вообще один из основных механизмов обучения, позволяющий двигаться от известного к неизвестному. Что не так с этим подходом при-

нительно к политической истории?

Сходство происходящего в различные исторические периоды неизбежно: у человечества не так много способов социального взаимодействия, изобрести нечто новое в практиках кооперации и господства, взаимодействия и насилия затруднительно. Однако предмет интереса политической науки к истории иной: ее интересует не повторяющееся, но изменяющееся. Политическая история – это история трансформаций политических институтов и процессов. Если умышления по исторической аналогии вообще есть практическая польза, то она будет лежать в поиске не сходств, но различий: если вам кажется, что один исторический период чрезвычайно похож на другой, сравните их и постарайтесь определить, чем они отличаются. То, что останется после отшелушивания внешнего сходства, и есть самое важное. Это зерно трансформации, из него вырастает будущее. Беда рода человеческого в том, что сроки исторических трансформаций много превосходят сроки «бедной жизни нашей»: история мыслит поколениями, человеком властвует мгновенье.

Но и политические режимы, как живые организмы, склонны проходить определенные этапы в своем развитии: зарождение, становление, развитие, зрелость, угасание. Эта фазовость развития, возможно, – самое интересное из того, что изучает политология.

Период 2000-х годов является чрезвычайно значимым в разрешении спора о том, каким образом и в какую сторону

меняются политические режимы.

В 1990-е годы и в начале XXI века в политологии доминировала теория демократического транзита. Считалось, что после падения тоталитарных режимов те страны, которые освободились от их диктата, нагоняют пропущенные исторические фазы и превращаются в демократии – с некоторыми национальными вариациями такие же, как и остальные «классические».

Тоталитарная модель с жестким идеологическим диктатом и контролем над частной жизнью человека, над экономической деятельностью, над информационным пространством, предполагающая мобилизацию и участие, казалась отжившей свое и практически невозможной в условиях глобализации, обмена всех со всеми и во многом единого информационного пространства. Двухтысячные – время становления «вселенной глобальности», время все более и более интенсивных связей и связанностей разных стран, культур и экономик. Последующие десятилетия ознаменуются все более и более заметными разрывами в этой ткани из многих нитей, но, чтобы понять контрреформацию или контрреволюцию, необходимо понять революцию и реформу.

Именно в течение 2000-х годов стало ясно, что значительное количество или даже большинство политических режимов на Земле проходит более сложный процесс трансформации, чем считалось ранее: посттоталитарные режимы вовсе не стали демократиями. И у многих из тех режимов, кото-

рые вроде бы шли по пути демократического транзита, эта траектория стала, если можно так выразиться, изгибаться.

Это привело к возникновению ряда других политологических теорий, пытающихся объяснить подобные явления, исследовать те формы политических режимов, в которых существуют нормы регулярных выборов, легальной многопартийности, разрешенного плюрализма в медиасфере, но которые при этом очевидно не являются либеральными или электоральными демократиями. Мирная смена власти выборным путем там невозможна, выборы носят плебисцитарный или аккламационный характер; разнообразные СМИ говорят в основном одно и то же и либо напрямую принадлежат государству, либо владельцы и руководители наиболее значимых из них плотно аффилированы с государством; многопартийность существует, но не существует реальной оппозиционности; применяется если не жесткий, то достаточно значимый контроль как над публичной сферой, так и над основными экономическими ресурсами. Как назвать эти модели? Как назвать эти режимы? Что с ними происходит, каким образом они трансформируются? Насколько они устойчивы? Во что они преобразуются?

Нарисовать какую-то одну линию, задать одно направление, которое объяснит все происходящее, невозможно. Одна из специфических черт режимов нового века – то, что они сочетают в себе, казалось бы, несочетаемые элементы: авторитарные и демократические, имитационные и сущностные.

Новые информационные средства дают им новые возможности как для пропаганды, так и для репрессий. Они находятся в сложных отношениях с техническим прогрессом: пользуются его достижениями и одновременно борются с ними. Их первый инстинкт состоит в том, чтобы если не запретить, то хотя бы контролировать все новое, но через некоторое время они начинают использовать эти новые инструменты. Эти режимы гибки и адаптивны. Они не очень хорошо прогрессируют и развиваются, но они очень хорошо приспособливаются. Они охотно используют изоляционистскую риторику.

Эта книга ставит целью взглянуть на политическую трансформацию России в рассматриваемый исторический период: каким образом менялись основные политические институты и процессы. Поэтому изложение построено не хронологически, а секторально: последовательно описываются сферы социальной и политической жизни, институты и отрасли, чья трансформация стала частью общего хода истории страны.

Говоря о специфических процессах, происходящих в российской политической системе в 2000-е годы, важно избежать двух чрезвычайно распространенных ментальных ловушек.

Первая – это поиски роковой развилки. Если мы думаем об историческом процессе в драматургических терминах – злодеи и герои, движение к хеппи-энду или, наоборот, к трагическому финалу – то мы склонны искать точки, в которых все пошло не так. Роковые придорожные камни, у которых

наш странствующий богатырь сделал правильный или – гораздо чаще – неправильный выбор.

Что дурного в поиске роковых развилок? Если рассматривать жизнь как драму, то такого рода мышление возлагает неадекватную ответственность на политических акторов, при этом сводя акторов к отдельным историческим личностям. При всем понимании высокой доли ответственности руководителей и публичных лиц, надо помнить, что политическая история – это прежде всего история институтов и процессов, а не богов, титанов и героев и их отношений между собой. Намерения политических акторов могут быть одними, их действия – другими, а последствия этих действий – третьими. Практически никогда политический процесс не является результатом заранее сформулированного сценария или составленного кем-то заговора. Чем выше по иерархии находится действующее лицо, тем больше оно связано условиями этой иерархии если не в принятии решения, то в его выполнении: система может согласиться выполнить любой приказ, но действовать будет в любом случае в рамках своих возможностей. Нравственной ответственности это не снимает, но, поскольку наука не занимается выдачей нравственных оценок, мы должны помнить и об объективных условиях, и об объективных критериях оценки.

Второй ментальный грех, в который склонны впадать люди, оглядывающиеся на прошлое и старающиеся его проанализировать, – это эквивифинальность (одинаковый результат,

равный финал). Это положение, в котором любое действие внутри системы приводит к одному и тому же результату. Таково популярное изложение отечественной истории как циклической, повторяющейся: в России каждые 20 лет заморозки, а потом оттепель, в России за 10 лет меняется всё, а за 200 лет – ничего.

Во-первых, эта идея хождения по кругу плоха тем, что она отрицает исторический прогресс, во-вторых, это впадение в тот самый интеллектуальный соблазн поиска формальных сходств, которые не имеют значения, и игнорирования отличий, которые важны. Сравнение любого репрессивного эпизода с 37-м годом или с уже упоминавшейся опричниной – хороший публицистический прием, но в нем мало научной ценности. Поэтому эквифинальность – это ложный мыслительный прием, надо стараться его избегать.

Ловля «черных лебедей», роковых событий – не роковых выборов, а именно неких внешних факторов, которые прилетели и все поменяли, – еще одно распространенное заблуждение в анализе нашей новейшей истории. «Черный лебедь» становится значимым фактором трансформации только тогда, когда условия для этого созрели. Если их нет, то любой «черный лебедь» покажется простой вороной. А если условия уже сложились, то любое случайное, малозначительное событие запускает лавинообразную череду последствий.

Вера в «черных лебедей» плоха тем, что легко приводит нас к тому, что у психологов называется внешним локусом

контроля: мышление, в рамках которого субъект считает, что все, что с ним происходит, объясняется чьей-то внешней волей. Не всякому удастся, как призывают нас популярные книги, ощутить себя хозяином своей судьбы. Но если мы полностью делегируем ответственность внешним факторам, то никогда не разберемся с тем, что с нами на самом деле происходит. Пример такого типа мышления – выстраивание зависимости российских внутривнутриполитических процессов от цен на углеводороды. При всей несомненной значимости этого фактора, сводить объяснение всего происходящего к нему было бы чрезвычайным упрощением.

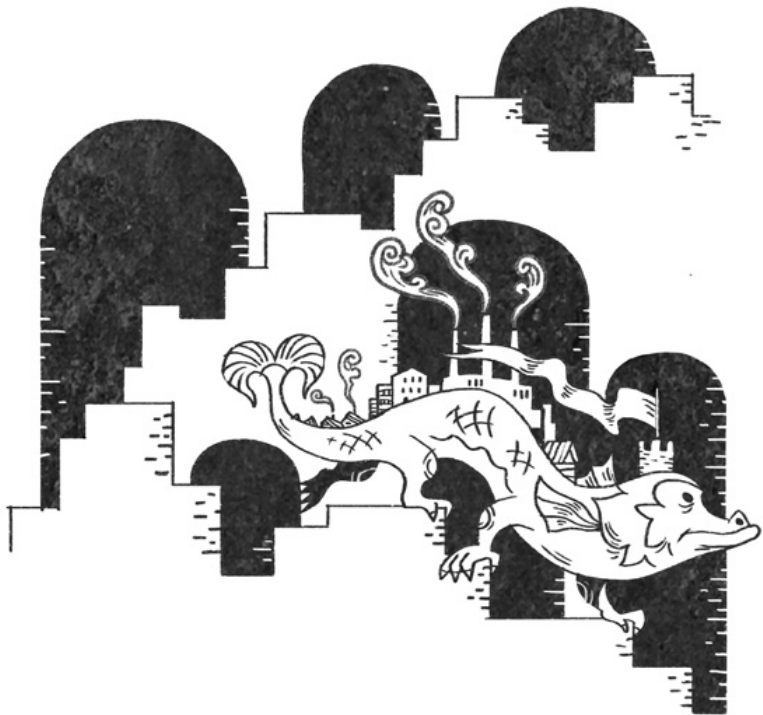
Вообще, говоря о российской новейшей истории и о политическом режиме, можно повторить за Борхесом фразу, которую он сказал о Вселенной: «Все то, что мы о ней знаем, – это то, что она бесконечно сложна». Россия – большая, многоукладная, сложная страна. Целью этой книги не является исчерпывающее описание всего, что происходило в России с 2000 до 2012 года. Тем не менее мы будем помнить об этой ее сложности, будем стараться избегать финальных оценок и, по возможности, объективно наблюдать реальность.

Глава 2. Сроки и созывы. Государство 2000-х

Существует два подхода к изучению как истории в целом, так и политической истории в частности: история государств (то есть государственного аппарата, а применительно к более ранним эпохам – двора, армии и клира) и история народов, или социальная история. Сделаем попытку совместить оба этих подхода в нашем общем очерке сюжетной канвы первого десятилетия XXI века.

В этой главе рассмотрим на самом общем уровне, что происходило с мая 2000 года по май 2012 года в жизни гражданского государственного аппарата. Обратим внимание на это определение: заданной рамкой объясняется отсутствие в изложении «чеченской линии» и максимально курсивное упоминание внешнеполитических событий.

7 мая 2000 года – дата избрания Владимира Путина президентом России. Избирательная кампания, как принято в наших законодательных рамках, шла в русле большого электорального цикла, включающего в себя парламентские и президентские выборы (*см. цветную вклейку, рис. 2–1*).

Результаты социологических опросов того времени показывают, с одной стороны, достаточно высокий уровень общественного пессимизма, ощущение того, что «страна идет не туда»; с другой – столь же высокий уровень надежд, связанных с новой, молодой, не скованной обязательствами предыдущего этапа властью. Парламентская кампания в декабре 1999 года прошла под знаком этих новых надежд, которые

были связаны с тогдашним премьер-министром, очевидным будущим президентом.

Первый путинский срок (2000–2004 годы) можно с определенным основанием назвать реформаторским. Избирательный штаб Владимира Путина после окончания выборов преобразовался в Центр стратегических разработок. Его возглавил Герман Греф, будущий министр экономического развития, он и его соратники подготовили план реформ, оформленных как законотворческая программа – список нормативных актов. Таким образом, новый президент фактически приступил к работе с уже готовой реформаторской программой, которую он мог осуществлять благодаря тому, что третий созыв Государственной Думы был в гораздо большей степени проправительственным и пропрезидентским, чем второй, в котором доминировала Коммунистическая партия.

Второй путинский срок (2004–2008 годы) можно с некоторой долей условности назвать охранительным. Реформаторский тренд первого срока был переломлен в 2003–2004 годах делом ЮКОСа. Хотя многие считают роковым событием разгром НТВ, произошедший в 2001 году, но это событие, зловеще выглядящее в свете всей последующей кампании по приручению СМИ (о ней позже), в моменте совершения воспринималось участниками и свидетелями скорее как консолидация медийных ресурсов в руках победившей политической группы, чем как начало информационной моно-

политизации – хотя, если вдуматься, первое и второе суть описания одного процесса.

Дело ЮКОСа было первым в постсоветской российской истории масштабным примером насильственного перераспределения собственности средствами государственного силового аппарата. Арест Михаила Ходорковского и разгром его компании не изменили направление трансформации страны, потому что за ними не последовало повторения этих событий. Но они стали тем моментом, после которого стало ясно, что либерально-реформаторская повестка сталкивается с существенными ограничениями или корректировками со стороны новой могущественной группы интересов – тех, кого позже стали называть силовиками.

Возможно, дело ЮКОСа было инкапсулировано политической системой и не повторилось, потому что его эффект был настолько силен, что посылать новые сигналы олигархическому сообществу не понадобилось. Возможно и то, что оно слишком напугало саму систему, и она не захотела повторения этого опыта.

События, связанные с ЮКОСом, радикальным образом повлияли и на избирательную кампанию 2003 года, и на политическую элиту в целом. Результаты партии «Единая Россия», тогда уже созданной на основе двух некогда конкурировавших, но фундаментально лоялистских политических объединений – «Единство» и «Отечество – Вся Россия», и неожиданно высокие результаты партии «Родина», создан-

ной специально под эти выборы, показали популярность антиолигархической повестки, которую на этом политическом этапе можно было также назвать антикоррупционной. Это продемонстрировало переход политической инициативы и значительной доли политической власти от олигархического сообщества к сообществу бюрократии, прежде всего силовой (см. цветную вклейку, рис. 2–2).

Четвертый созыв Государственной Думы, прославившийся знаменитой фразой своего председателя Бориса Грызлова о том, что Дума – это не место для политических дискуссий, действительно приближался к этому идеалу, хотя полностью его воплотил следующий, пятый созыв. Он же закончил масштабные законодательные новации, начатые еще первым созывом и особенно характерные для третьего (он принимал новый Налоговый кодекс, I и II часть нового Гражданского кодекса, новый закон о валютном регулировании и валютном контроле, новый Жилищный кодекс). Это был целый ряд законов, заложивший основы экономического и гражданского оборота, в котором мы находимся до сих пор.

Еще одна вещь, которой все 2000-е годы занималось государство российское – это раздача долгов. Внешний долг Российской Федерации продолжал все эти годы снижаться. На 1 января 2000 года он составлял 158,7 млрд долларов, в основном это долг частным кредиторам. Уже к 2006 году эта цифра снизилась на 82,2 млрд долларов. В 2006 году она составляла 7 % ВВП, а к 2010-му – уже 2,5 % ВВП, это доста-

точно небольшой уровень (см. *табл. 1*)¹.

Таблица 1. Динамика внешнего долга России

---

¹ Источник: Внешний долг России, Материал из Википедии – свободной энциклопедии https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B3_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8

2000, 1 января	▲ 158,7
2001, 1 января	▼ 143,7
2002, 1 января	▼ 133,5
2003, 1 января	▼ 125,7
2004, 1 января	▼ 121,7
2005, 1 января	▼ 114,1
2006, 1 января	▼ 76,5
2007, 1 января	▼ 52,0
2008, 1 января	▼ 44,9
2009, 1 января	▼ 40,6

Одновременно с выплатой собственных долгов Российская Федерация списывала долги других стран по отношению к себе. И списала их, по приблизительным подсчетам (это не полностью открытые данные), больше чем на 100 млрд долларов, начиная с 1996 года.

В 2013 году газета «Коммерсантъ» подсчитала, сколько долгов и кому простила Россия начиная с 1996 года.²

• *В 1996 году Россия списала \$3,5 млрд из \$5 млрд долга Анголы. По условиям подписанного соглашения остаток суммы должен быть возвращен до 2016 года в виде векселей.*

• *В июне 1999 года в рамках Парижского клуба кредиторов подписано Кельнское соглашение, в соответствии с которым РФ в 2000–2003 годах списала 60–90 % долгов целого ряда стран: Танзании, Бенина, Мали, Гвинеи-Бисау, Мадагаскара, Гвинеи, Чада, Йемена, Мозамбика, Буркина-Фасо и Сьерра-Леоне. На оставшиеся долги страны получили рассрочку до 30 лет.*

• *В сентябре 2000 года Россией прощены \$9,53 млрд из \$11,03 млрд вьетнамского долга. Выплата оставшейся суммы отсрочена на 2016–2022 годы.*

• *В 2001 году Россия списала Эфиопии 80 % долга в \$4,8 млрд – \$3,8 млрд. В 2005 году была списана почти вся*

---

² Источник: Коммерсантъ. 2013. 10 декабря. <https://www.kommersant.ru/doc/2364889>

оставшаяся часть с процентами – \$1,1 млрд.

- В конце 2003 года \$11,1 млрд из \$11,4 млрд были прощены Монголии. Оставшиеся \$300 млн страна вернула сразу после списания. В 2010 году Россия списала Монголии \$180 млн.

- В 2003 году Россия и Лаос заключили соглашение о списании 70 % долга в \$1,3 млрд – \$960 млн.

- В июле 2004 года полностью списан остаток задолженности Никарагуа размером \$344 млн. До этого РФ дважды проводила списание никарагуанского долга: в 1992 году были прощены \$2,55 млрд из \$3,11 млрд, а в 1996 году – 90 % из \$3,4 млрд. Общий объем прощенных средств составил \$5,95 млрд.

- В ноябре 2004 года списаны \$9,5–9,8 млрд иракского долга при общем размере задолженности \$10,5 млрд. Президент Владимир Путин выразил надежду, что новое руководство страны в ответ учтет интересы российских компаний в Ираке.

- В мае 2005 года Россия списала Сирии \$9,782 млрд из \$13,4 млрд долга. В свою очередь Дамаск обязался закупать российское вооружение и провести модернизацию поставленной в советские времена бронетехники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.